КЛА Р2
С17

Альбина
Самусевич

Дайте женщине сад

н/ф 94

КАЛИНИНГРАДСКАЯ ПИСАТЕЛЬСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

Альбина Самусевич

Дайте женщине сад

70228-3

Стихотворения

Калининградская ЦБС

Калининградское
книжное издательство
1990

Центральная городская библиотека им. А. П. Чехова

Читальный зал

84Р7—5
С 17

Рецензент Н. К. Зверева,
член Союза писателей СССР

Самусевич А. Г.

С 17 Дайте женщине сад: Стихотворения/ Калинингр. писател. организация. — Калининград: Кн. изд-во, 1990. — 63 с.: ил.

Это вторая книга Альбины Самусевич. В ней есть стихи о любви, о судьбах женщин, раздумья о жизни и времени, о родительском доме и мироздании. Автор тяготеет к философским ассоциациям, афористичности, ищет свою «дорогу к Храму». Вселенная-сад... Что может быть прекраснее?

С $\frac{4702010200—019}{М144(03)90}$ без объявл. 84Р7—5

ISBN 5—85500—021—4 © Калининградская писательская организация, 1990

Дайте женщине сад

* * *

Женщине нужен дом
и — небо над головой.
Как кораблю — док
рядом с волной гулевой.
Музыки тихий звук
затеплит в ночи окно.
Женщине нужен друг:
в доме тоскливо одной.
Друга доверчивый
взгляд,
и — перекресток рук...
Дайте
женщине сад,
с травой и цветами вокруг!
...Ищут весной соловьи
сирени цветущий куст.
Женщины нет без любви,
дом без любви — пуст.

* * *

Светоносны в мае дожди,
колобродит в ручьях весна.
Зимы все еще впереди —
я тебе еще не жена.

Ах, как щедро цветут сады,
завязь первой любви сильна!
Я целую твои следы...
Я тебе еще не жена.

Я готовлюсь женою быть,
и в желаньях своих вольна.
По весне мне недолго плыть —
я тебе еще не жена.

Ни одной не упало слезы,
не для слез я на свет рождена.
Только шаг до июльской грозы,
я тебе еще не жена...

Желтые сливы

Счастливей всех в тот день была —
в тот день, разлуку мне сулящий.
Тебе я сливы желтые рвала:
мне желтые казались слаще...
Остановила стрелки всех часов:
счастливые часов не наблюдают!
Закрыла все калитки на засов,
счастливые — летают!
О, если б знать тогда могла,
в тот миг, что скроет ночь
ту светлость...
Я день тот на костре сожгла,

как черновик. Прости мне,
вечность!
Всё прокляла: и сад, и сладкий плод,
что повенчал нас и сосватал...
А косточка от сливы
продолжала род —
и пусто место в сердце
стало свято.
Я не сдалась лихой беде,
и горстку пепла бросила
на ветер,
и завела часы...
И распахнул ты дверь
в тот день...
И сливы деревце
нам протянуло ветку.

* * *

Терпсихора — муза танца,
подарила мне движенья...
В каждом жесте — жизни тайна
и порыв самосожженья!

Будто ветка ивы гибкой,
я твоим покорна взглядам.
Для двоих — играют скрипки
и поют все птицы сада...

Как текучих дней живица,
в танце я неповторима.
Я — раба, но я и жрица.
Женщина — в веках мне имя.

* * *

Выходят из моды платья,
ветшают вещи и мебель...
От века боюсь отстать я,
боюсь — не думать о хлебе.

Я вовсе не щеголиха,
мой облик кому-то смешон...
Средь лиц не хватает мне Лика
мадонны античных времен.

Не главное, как одеться!
Есть, право, дела поважней:
носить ребенка под сердцем
и грудью кормить без затей.

Четыре арифметических действия

Вычитание

Мне вычесть бы из лет моих — года,
в которые нашла меня беда.
Убрать бы мне из месяцев те дни,
что были сумрачным годам сродни.
Мне б вычеркнуть из дней моих часы,
в которые дрожала от грозы...
Минуты и секунды б вычесть мне,
когда я горько плакала во сне.
Отнять бы из всего
людское зло —
и я счастливым назвала б число...
Но у меня в остатке
жалкий ноль.
Неужто годы все
ушли на боль?

Сложение

Мне сложить бы все вопросы
и найти бы к ним ответы.
Не забыть бы неба просинь,
и закаты и рассветы...
Мне учесть бы все метели,
оттепели и морозы,
ручейки и с крыш капели,
ливни летние и грозы...
Речку, рощу с птичьим гамом,
в чистом поле
вольный ветер...
Стать одним бы из слагаемых
вечной жизни на планете.

Умножение

Природа сама себя сохраняет:
все живое приумножает...
И нам бы, людям, помня о зле,
творить ежечасно добро на Земле.

Деление

Довольствуюсь малым, частью...
Медный грошик в пыли
подниму я на счастье.
Разделю я радость на всех,
верну неудачнику — веру в успех.
Подам просящему хлеба,
подарю незрячему — небо!
Поделюсь одеждой и кровом,
если надо — собственной кровью.

Мадонна

Укладчица камней булыжных,
красавица в расцвете лет...
Как знак беды в столетьях ближних,
мне твой оранжевый жилет!
Впитало сердце цвет тревоги,
гудят набатом провода:
куда же строятся дороги —
в грядущий день
иль в «никуда»?
К груди ты прижимаешь
камень,
о малыше тайком грустя...
Твоя дорога
в Лету канет,
коль не пройдет по ней
дитя.

Кариатиды

Я отменяю заседанья,
собранья, пленумы, местком...
Кариатиды мирозданья,
вернитесь поскорее в дом:
ведь гибнет женское начало,
и к детям — вечная любовь.
Хочу, чтоб женщина рожала
и колыбель качала вновь.
Оставьте трон мужскому полу:
без трона править веселей...
Ну кто вам скажет:
— А король-то голый!
...Любовь лишь
правит на Земле.

Лесная сказка

Осуждают Рябину осины —
золотой ей
привиделся дождь...
А Рябина мечтает о сыне.
Пересуды?! Цена им грош.
От макушки до пят — земная,
перед небом застыла в мольбе,
как рембрандтовская Данаи,
к неземной причастна судьбе.
Отрешенно
и просветленно
дарит птицам
гроздья зари...
И слетают с ее ладоней
красногрудые снегири.

* * *

Кормлю дитя...
Не сказка — быль.
Я не могу из дома
отлучиться...
О, как хочу я научиться —
водить автомобиль!
Грохочет рядом автострада,
и за окном — такой простор,
а дочь на ножки встала,
рада...
И на меня глядит в упор!
Я протянула дочке руку,
и сделала она свой
первый шаг,
водила я дитя по кругу...
Что надо нам —
не ведает душа.

* * *

Три розы, три цветка
в твоей руке, как факел!
Я к ним притронулась слегка
в квартирном полумраке.

Три розы, три цветка —
зимою... Из какого сада?
Рассвет на тонких стебельках
коснулся пламени заката.

Три розы, три цветка...
Взяла их бережно, послушно.
В твоей руке — моя рука,
е-ди-но-ду-ши-е...

Среда

Будний день среди недели
бросил нам
судьбы мосток...
Но пройти мы не сумели,
не посмели —
видит бог!
То ли сборы были долги,
то ль судьба была не та?
Нам четверг сказал:
— В путь добрый! —
но мосток сожгла
с р е д а.

* * *

Рябина, с морозца —
терпкая,
проваливаюсь в снегу...

Ключ от счастья
утерянный
ищу, как иголку в стогу.
Иду — глухая, как тетерев,
блуждаю, как тень,
в трех соснах.
Рябина, с морозца —
терпкая,
сладко горчит на губах...

Ворожба

По саду хожу —
на тебя ворожу.
Сбудется —
не сбудется,
плохое —
забудется,
хорошее
останется
в душе моей — страннице...
Тайно солнце
встретится
с молодым месяцем,
свидание —
в полночь.
Желание,
исполнись!
О тебе думаю,
услышь
ворожбу мою...
Назови по имени.
Полюби меня,
полюби меня,
полюби
м е н я!

* * *

Морозный дух зимы люблю!
Люблю играть в снежки...
Я, как пельмени, их леплю,
леплю, как пирожки.

И, сутью дружбы дорожа,
прицеливаюсь не спеша.
В душе обиды не коплю:
прощаю, мучаюсь, люблю...

Семь бед — один ответ:
я молода, и в том секрет.
Я знаю, если захочу —
снежок ответный получу!

Сестры

По родственной душе душа томится,
страданье назову судьбой.
Мне повстречались три сестрицы:
Надежда, Вера и Любовь.

Был разговор у нас недолог,
шли сестры в дальние края...
Их привечали в каждом доме,
и с ними в путь просилась я.

Сказала старшая, Надежда:
— Ты хочешь стать моей рабой?
С тобой пребуду я, но прежде
пускай найдет тебя Любовь.

С Любовью встретилась в охотку,
ушла из дома налегке...

Без страха к ней вскочила в лодку,
оставив весла на песке.

Снесло ладью мою на камни,
я с тьмой боролась, как могла.
Терпенье женщин всех — веками
хранило свет, и — сникла мгла.

Средь облаков блеснула Вега
и указала берег мне...
Но запропала где-то Вера,
а без нее душа в огне.

Оборвалась в пути одежда...
Любовь я назвала судьбой.
О, не оставь меня, Надежда,
пока живу, пребудь со мной.

* * *

Я — женщина, я — слабый пол,
дождинка на большой планете.
Заботами весь день мой полн,
и лишь во сне послушны дети.

Я — женщина, жена и мать,
мне ль трудных дел бояться?
Привыкла я чуть свет вставать,
на боль чужую откликаться.

Я — врач, и нет меня сильней:
сметаю зло потоком ливневым!
В натруженных ладонях дней —
я продолжаю ж и з н и линию.

* * *

День за днем
не спеша просеиваю,
от плевел отделяю зерна...
Грусть-тоску
по ветру развеиваю,
за работой думам просторно.
Окна настежь
и дверь нараспашку!
Занавеска — парусом в небо...
Ждут зерна
белый лист и пашня,
время чувствуя
каждым нервом.
Не пугает в пути непогода:
соль земли
гонит кровь по жилам...
Всходит дней моих
непохожесть
хлебом
насущным
жизни.

Ганна

Гроб цинковый спецрейсом из Афгана
в село доставлен втихомолку...
Сказал ей военком: — Не плачьте, Ганна,
он до конца был верен долгу.

Всем миром сына хоронили...
И прогремели над могилой залпы.
А Ганна бога лишь молила —
с ним умереть, не видеть «завтра».

Проснулась Ганна от горючих слез,
ей снился злобный взгляд душмана.
Она гналась за ним, встав в полный рост,
и он не выдержал и крикнул: — Мама...

Она недолго думала в то утро:
до города семь верст шагать...
— Туда, в Кабул...— решила Ганна мудро,—
остановить стреляющих,— ведь я же мать.

Вернулась... Не дошла до города:
тревогу в сердце не унять...
— Кто ж сыну приказал стрелять,—
все думала она, склонивши голову.

Запретная тема

Кто не знает Любочку,
Любу знают все...
Говорят с улыбочкой
о ее красе.

Говорят с ехидцей
о ее «делах».
Вам и не приснится
«дел» ее размах.

— Двадцать семь не возраст!
Свадьбы подождут...
Никогда не поздно
на шею хомут.

Вечерами в баре
пьет она коктейль,
с Сатаною в паре
пелит ласки хмель...

Под глазами тени —
бурной жизни след.
И с запретной темы
снят теперь запрет.

Люба хмурит брови,
третью ночь не спит:
обнаружен в крови —
чудо-юдо СПИД...

Исподволь, с улыбкой
снял он краску с губ.
Стала жизнь ей пыткой,
белый свет не люб.

На больничной койке
каждый день, как год,
и в похмелье горьком —
Люба слезы льет.

Сядет рядом нянечка:
кто бы дал совет —
дочь у нее, Анечка,
семнадцати лет...

Прозрение

Заблудилась... Тумана занавес
скрыл от глаза дорогу и лес.
К дому путь отыскала я заново,
опустившись на землю с небес.

И прониклась любовью дочерней
к каждой тропке, сбегающей вдаль,
и за долгие годы кочевья
обрела я прозрения дар...

Сквозь туманы грядущих столетий
я узнала дорогу и лес...
Дом покинув, спешили дети —
друг за дружкой по краю небес.

Романс

Спасибо, сон, за невесомость ноши,
за непредсказанный судьбой сюжет.
За песнь любви, за благо ночи,
за черный фрак и белизну манжет.

Спасибо, ночь, за откровенье,
за трепет сердца и высокий слог.
За тайный жар и краткое мгновенье,
за недосказанность горячих слов.

Спасибо, тьма, за блажь и наважденье:
как высоко летаем мы во сне!
Спасибо, жизнь, за взлеты и паденья,
за явь и сон, дарованные мне.

Ф-28204

Центральная городская
библиотека им. А. П. Чехов.

Читальный зал

Калининградская
ЦБС

Открываю я заново мир

* * *

Не обучена фотоискусству:
растворяется в вечности миг.
Но в строке — то веселой, то грустной —
о т к р ы в а ю я
з а н о в о м и р...
Глаз внимательный, чудо-камера,
доверяю тебе я вполне.
От Камчатки до Севера Крайнего
полстраны переснято во мне.
Проявляется сущее
временем:
в путь возьму я стихов тетрадь.
Да поможет мне слово верное
с в е т Р о с с и и
в строке передать.

Кижи

«Церковь эту построил мастер Нестер.
Не было, нет и не будет такой...»

(Из легенды)

1

Застыли дали в удивленьи,
и небеса вдруг стали ближе...
Взметнулась церковь — рук творенье,
на островке зеленом Кижи.

Как будто двадцать две сестрицы *
остановились на пригорке.
Светлы их помыслы и лица
в трудах от зорьки и до зорьки.

Не налюбуется Онего:
какая стать, краса девичья...
И я прошу: — Восславь, о небо,
труда свободного величье.

Замру у Кижского погоста:
к нему идут и едут люди...
И шепчет, шепчет Нестер
звездам:
«...такой не было, нет и не будет!»

2

Мчатся слухи быстрее лани:
— Преображенская дышит на ладан.
В рубище ветхом, залатанном
свет-душа ее — чистое злато.

---

* 22-главая Преображенская церковь, 1714 г.

Церковь церквей, уникум,
неласково смотрит на умников.
Плат небес натянула по бровушки:
грозят — раскатать по бревнышку...
Сулят от науки невежды
с чужого плеча одежды.
Не хозяева правят — гости...
Жалят плоть
железные гвозди.
...Да хранит ее о́берег
над оконцем —
три века стоит под солнцем,
пересудам и ссорам внимая,
средь мертвых идей —
живая...

Кижи, май 1988 г.

Вид на Валаам

«Богоизбранная обитель!
Пречудный остров Валаам...»

Петр Михайлов, 19 век

1

Я окунулась в тишину...
Змеились корни под ногами:
им не пробиться в глубину —
сплошной гранит на Валааме.

В котомках из родимых мест
везли землицу богомольцы.
И зашумел на камне лес,
и зацвели сады в околице.

Глядел с холма Никольский скит
в святом уединении...

Плавучий кран, стрелою в синь,
соединял века во времени.

Тянулся взгляд мой к куполам,
виднеющимся с берега.
Открылся вид на Валаам
воочию, а не с картины Рериха.

2

В лесном распадке — след строенья:
то бывший дом отшельника-монаха.
Остались от жилья одни каменья,
угасла жизнь, все стало прахом.

И днями звонкими, и тихими ночами
хранил безмолвье древний скит:
здесь жил игумен Дамаскин —
семь лет уста его молчали *.

Без устали, как скульптор вдохновенный,
он высекал себя из камня...
Уже не кровь текла по венам,
струился хладный дух исканий.

Он победил в бореньях с плотью
и настоятелем вернулся в монастырь,
в цветущую обитель превратил пустырь,
жизнь посвятив молитвам и работе.

Он был жесток к духовным братьям...
(Ослушаться его не смел никто ни разу.)
Лишал строптивых он — услады от занятья,
железный Дамаскин, иль «Аракчеев в рясе».

Но разум мой не застил свет очам —
«пречудный остров» полыхал сиренью...

* Обет молчания в монастыре.

Бунтарский дух я предпочла смиренью,
в раздумье покидая Валаам.

В отпуске

Мой день зашифрован в таинственный плод.
Сорвет его тот, счастливый,
кто по зеленым баштанам пройдет
с корзинкой из прутьев ивы...

Ты близок к разгадке, читатель, я жду.
Отведай плоды в корзине...
Мой день непутевый тает во рту
медовым кусочком дыни.

Мой день зарифмован в песнях цикад,
и, может быть, ты, везучий,
ключик найдешь от бродячих рулад,
в чем-то тебе созвучных.

Хоста

Пальмы, как лопухи, у забора...
Вся в белых цветах
магнолия.
Дремлют вечнозеленые горы
у синего
лукоморья...
Будто шпили
готических храмов,
кипарисы в соседстве
с небом!
Стих мой, г р а м о т о й

стань охранной
красоты...
Без нее —
как без хлеба.

Мыс Пицунда

Оле

Звучал орган в старинном храме.
Под куполом просачивалось солнце.
Оно стекало в храм веками
сквозь узкое, как щель, оконце.

Звучал орган... Хоралов звуки
летели в стрельчатые своды.
Вздыхали рядом две подруги
о Бахе, «вышедшем из моды».

Звучал орган... Штормило море.
В высоких соснах пели ветры.
Я голос детский различала в хоре,
он над Землей звенел
в грядущем веке.

* * *

Я землю предков свято чту...
Мне Родина дана в наследство.
Приму, как дар, ее мечту,
благословляя травы детства.

Во мне сады ее цветут,
через меня — накатом волны:
в моих артериях текут
и Припять-боль и память-Волга.

Даю цветам я имена,
я с каждой веткой в связи кровной.
Удочеряю в р е м е н а
под вечной звездной кровлей.

Воскресший из пепла

(Триптих)

1

Судеб сливаются линии,
чтоб в земле проросло зерно.
Отшумели черные ливни
над твоими фортами давно.
Я — с улицы Чаадаева,
мечтаю постигнуть Канта,
а ребята играют «в Пацаева»,
продолжая полет космонавта.
Гудят корабли. В трех твоих портах
перекликаются океаны...
А дома утопают в садах
на земле, залечившей раны.
Ты весь в новостройках: туго с жильем,
вручаешь ключи
не каждой невесте...
Но навечно в сердце твоем
прописаны т ы с я ч а д в е с т и.
В пространстве вселенной ты мал,
но слышится
поступь веков у мола...
И мой знакомый,
волшебник и маг,
коллекционирует шум моря...

2

О времена, о нравы!
Трамвай — мой красный конь.
Мы с временем на равных,
хоть в воду, хоть в огонь!
По улице Суворова
летит мой конь в рассвет.
— До скорого, до скорого...—
мне дочка машет вслед.
Со мной гремит, качается
двадцатый век в седле,
и путь наш продолжается
по утренней земле.
Собор старинной кладки
мелькнет в моем окне —
и весь маршрут «девятки»
напомнит о войне.
Свинцовые капели
ожгут мое плечо,
Девятое
апреля
предъявит веку счет.
На остановке Грига
услышу утра звон,
и город птичьим криком
стряхнет забытый сон.
Мальчишек стайка ранняя
влетит в картину дня,
напомнив про «Купание
красного коня».

3

Все тише звуки площадей,
стекает тишина с окраин.
И звон последнего трамвая

слетает в сладкий сон детей.
Цветов полночных аромат
от сора очищает душу...
Люблю ночной Калининград,
его покой я не нарушу.
На ветке птицу не спугну,
свечу каштана дорисую.
Войду неслышно в тишину,
вгляжусь в тревожную,
живую...
Увижу рядом, в полумгле,
у самой западной границы,
знакомый облик
кораблей.
...Им, как и мне,
в ночи не спится.

В Москве

1

«Улица Вешних Вод» —
не поверила, переспросила...
Будто по океану вброд
иду через всю Россию.
Иду по зимам ее,
утопаю в снегах и мерзну.
Я верю, тот день недалек:
во мне прорастут все весны!
...В разливе Советская Русь,
прорвало застоя плотину!
На сердце и радость, и грусть:
как дорого мы заплатили —
за хлеба блокадный кусок,
за святость чувства высокого,
за праведной мысли росток,

за песни Володи Высоцкого...
Свобода в привычку войдет,
в дела и помыслы века.
«Улица Вешних Вод» —
времени добрая веха!

2

Я постою у стен Кремля,
по древней площади
мой путь продлится...
В кровинку каждую
войдет столица,
подступит к сердцу
вся Земля.
И станет каждый день
весомей,
светлее взгляд
и тверже шаг.
Пойму себя
в разлуке с домом,
когда весь мир
вместит душа.

Хутор Загорье

«На хуторе в Загорье
росли мы у отца...»
А. Твардовский

Миром дом построен,
срублен на века.
Памяти достоин
хутор «кулака».
Звонкой наковальни
слышу чистый тон —
это голос дальний

о пережитом...
Новый дом о старом
вдруг заговорил:
раскулачил Сталин,
хутор разорил.
Всех пустил по миру,
благо мир велик.
— Господи, помилуй,—
материнский крик.
Врезался он в память
взрослых сыновей,
не утих с годами,
стал еще слышней.
И в руках Ивана
застучал топор,
и завел рубанок
с Сашей разговор.
Говорить при жизни
мало им пришлось.
Больше знал по письмам,
как ему жилось.
Как спешил он словом
выкорчевать зло...
Знали в граде стольном
брата ремесло.
Да не разглядели
слов горячих суть,
очернили дело,
учинили суд...
Знаем мы сегодня
судей имена.
Запоздало всходят
правды семена.
В новых песнях города
жив кузнечный дух!
Мне тропу в Загорье
указал пастух.

Вновь свободный голос
обрела душа.
Светлый дом на взгорке
вышел на большак.

1988 г.

Баллада о кукушке

«Ку-ку»,— звенит над Полесьем...
«Ку-ку»,— несется над садом.
Сеет страх кукушкина песня,
и с тревогой никак не сладить.
Топчет землю сапог немецкий,
на подворьях кострища тлеют.
По-вдовьи вишни невестятся,
у порога от страха белеют...
Каратель
детей партизанских вывел,
приставил к стене отчей хаты.
Минута — и грянет выстрел...
Не выдержал старший и крикнул:
— Гады!
Слово гнева взорвалось эхом
над лесом, над домом, над садом...
Но было страшнее этого —
«ку-ку»,
прозвучавшее рядом.
Кукушка года им считала,
ей голос родным показался.
«Ку-ку»,— грозила. «Ку-ку»,—
проклинала,
и немец на миг растерялся...
Опомнился. Сдвинул чуть выше мушку,
прицелился в белую вишню.
И выстрелом метким убил кукушку,
упала вещунья в траву неслышно.

...Все село о кукушке узнало,
как детей партизанских спасала,
перед смертью
матерью стала —
на свою голову куковала.

Детство

Наш дом без крыши упирался в небо
(на крышу не хватило денег).
Ночные звезды пахли хлебом
и падали в ладони детства.

Я с ними перед сном играла
(в ту пору не было игрушек).
Луна корову мне напоминала,
и я тихонько плакала в подушку.

Кормилицу семьи — корову
мы продали на лес для дома...
Послевоенный год суровый,
год небывалого подъема.

Я знала: рано или поздно
мы вставим окна, купим крышу.
Я сохраню в ладошке звезды
и посажу у дома вишню...

Зеленые цветы

«Мне не найти зеленые цветы...»
Н. Рубцов

Послевоенная деревня. Детство.
Я вновь прошла по тем местам,
и горькое войны наследство

брело за мною по пятам.
До школы восемь километров...
Тропинка полем, напрямик,
по ней я выходила в мир.
Качались травы, пели ветры.
...В то утро мела поземка,
сугробы наметая за поселком.
Средь облаков луна светила,
я стежку еле находила,
но повернуть назад не смела.
Передо мною даль белела,
была безжизненно пуста...
Дрожали ветки сонного куста.
Мелькал случайный санный след,
вдогонку слышалось: «Ученье — свет!»
Стога кивали мне издалека,
напоминая лето,
по ним я отмечала километры...
Дорога, как никогда,
казалась долгой.
Вдруг, на развилке у леска —
увидела я волка!
Прыжок — и в тот же миг
у ближнего стожка
качнулись два цветка зеленых
средь белых листьев невесомых.
Они смотрели прямо на меня —
зеленых два огня!
Светились близко, рядом
голодным волчьим взглядом,
то исчезая за сугробом,
то расцветая ярче, ближе.
А я стояла неподвижно
в предчувствии беды...
Мои следы поземкой замело,
не это ли мне жизнь спасло?
Меня укрыли лес и поле.

Цвели зеленые цветы, я помню!
...Я вышла к школе у реки,
остановилась у ограды.
Всем ожиданьям вопреки,
кирпичный дом глядел из сада.
Подвязывали дети виноград,
антоновка входила в силу...
— Чей этот дом и сад,—
я у детей спросила.
— Мы в новой школе,— был ответ.
— А я вон в той избе училась...
Упало яблоко, к ногам скатилось
воспоминанием тех лет.

P.S. Начало иль конец пути?
Мне надо было в прошлое вернуться,
чтоб с днем сегодняшним
не разминуться,
и в нем — себя найти.

Из старых тетрадей (1965 – 1972 гг.)

Коммунист

Он жить хотел всю жизнь получше,
утаивая деньги из получек...
Он брал взаймы часок-другой,
с работы не спеша домой.

Любил охоту, рестораны...
(Веселье длилось допоздна!)
Он возвращался часто пьяным,
и лгал, что занят был, спьяна.

Обкрадывал себя, детей, страну,
теряя понемногу честь и совесть.
Таких семей я знаю не одну...
Вы скажете: — Старо, не новость.

О космосе твердят газеты,
и свято званье «коммунист»!
...Краснеют молча партбилеты
за тех, кто совестью нечист.

* * *

Свобода мыслей, чувств, желаний...
Как мы богаты, и — бедны!?
Нам цепи долга суждены заранее,
мы виноваты без вины...

Природа, мы твое созданье!
Вселенной житель — твой двойник.
Он может править Мирозданьем
и быть рабом страстей своих.

А сколько тайн живет на свете!
И все они — глухи, немы...
Но мы кричим. Кричим, как дети:
— Мы не рабы. Рабы не мы.

Жена офицера

Службу не выбирают, известно,
но вот уже третий год —
капитан не находит места:
в Сибири жена его ждет.

Ее позвала наука
в далекий таежный край...
Нелегкой была разлука,
упала слеза невзначай.

Им очень хотелось вместе
строить, дерзать, творить!
Но каждый считал, что мерзко
кому-то без дела быть.

Летели письма в Оленью,
спешили ответы в тайгу.
Все чаще, теряя терпенье,
писал капитан: — Не могу!

Вино приходило на помощь,
друзья угощали: — Пей!
Затем приходила полночь,
домой провожая друзей.

И день наступающий, новый
ему не сулил ничего.
Вот если б замолвил слово
в Москве кто-нибудь за него...

Давно обещали «в кадрах»
желанный ему перевод —
не в Центр, а туда, где кедры,
где так семья его ждет.

Жена аспиранткой стала,
в новом звании сам капитан.
Пишет мужу жена: — Устала...
И еще какой-то дурман.

А «сверху» все нет решенья,
и снова метут снега...
И шепчет «люблю!» Оленья.
И просит встречи тайга...

Я верю в людей и в разум.
И в поиск своих дорог!
Шепчу, вспоминая Гааза *:
— Спешите делать добро!

---

* Известный московский врач.

Больничные стихи

Наташе

Весны поблекла акварель,
все гуще облака,
все чаще грозы...
Застопорилась жизни карусель:
по каплям в вену
капает глюкоза.
Как белый стих,
ритмичен койко-день,
ночь беспокойна
и тревожен вечер.
Недуга призрачная тень
скулит назойливо:
— Никто не вечен.
Дуб засыхает на корню,
ромашек солнца
под косою меркнут,
и жизнь твоя — у ночи на краю...
Но я-то знаю, все бессмертно!
Проклюнет желудь
скорлупу ростком,
и семена цветов посеет ветер.
...Покрасят карусель
апрельским днем.
И жизнь моя
продлится в детях.

* * *

Жить, не думая, легче,
жить, не думая,— проще.
От бездумья не лечат,
но и смерти не прочат.

Одни до глубокой старости
пребывают «наивными»...
Другие — от собственной слабости
выпрямляют «извилины».

К черту «мильон терзаний»,
пусть думают боги...
А нам бы жить по-тарзаньи,
в своей берлоге...

Сладко поесть и выпить,
крепко поспать, поевши.
Любовь... из дуба выпилить,
чтоб думала меньше.

Жить, не думая,— легче,
жить, не думая,— проще...
От бездумья не лечат,
но и смерти не прочат.

Ночной разговор

Ах, проклятая дверь... Тихий стук.
Ты пришел...
(Что тебе мой испуг?!)
— Отвори, отвори, отвори!
Не молчи. Говори, говори...
— Все не просто, милый,
уйди!
Дверь как щит на моем пути...
Как мне хочется ключ повернуть
и к тебе, а не к двери
прильнуть.
Тихо-тихо. Лишь звуки шагов.
Был и не был.
И был таков!

Что же сердце
гремит, как гром?
Моя крепость —
мой дом.

* * *

О нем, я знаю, говорят:
— «Железные» у парня нервы!
А у него холодный взгляд
от внутреннего перегрева.

О нем твердят: — Неуязвим...
Кольчугой прикрывает сердце.
А он сгорает от любви
к своей веселой сверстнице.

От всех и вся он прячет душу,
его порыв порой нелеп!
...Так дерево, корой наружу,
скрывает сердцевины нерв.

Зимний сон

Все ромашки облетели,
погадаю на звезде:
скоро ль белые метели
станут стаей лебедей?

Затеряюсь между ними,
птичий выучу язык...
На крыло любовь поднимет —
ты услышишь сердца крик.

На крыльцо из дома выйдешь,
глянешь в небо, в синеву,

и узнаешь, и увидишь —
рядом с лебедем плыву...

Ты измены не простишь мне,
но окликнешь на беду.
Я проснусь, скажу: — Всевышний,
не гаси мою звезду!

Узелки на память

Прозрение

Прозрение иль пониманья миг,
что лист зеленый — вечности двойник,
что от рожденья — человек велик:
в его руках
весенний хрупкий мир...

Исток

Апрельский первый ветренный листок,
на тонкой веточке — весны росток...
В нем искра жизни, подвига исток —
вокруг Земли
гагаринский виток!

Завязь

О, как красив перед грозою сад
свечением листвы, движеньем веток!
Тревожен белых яблонь взгляд:
в нем материнства первые приметы.

Восхождение

В горах опасен шаг любой,
и каждый камень —
узелок на память:
сумей подняться над собой,
и бездны край — себе оставить.

Родство

Орбита в звездной синеве,
большак иль просека лесная...
Дороги все — одних кровей:
растворена в них
даль сквозная.

Взлет

Земля за лайнером бежала —
и сжалось сердце от тоски:
качалось море синим шаром
на черной ниточке реки.

Творчество

О, сколько я картин нарисовала
для ненаписанной еще строки...
Но кажется мне: мало, мало, мало.
И слышится: сожги, сожги, сожги!

Вдохновение

От света истин тает тьма,
перо к бумаге так и просится...
Калининградская зима
вдруг станет болдинскою осенью.

Желание

Люблю узор стиха осенний,
листвы летящей круговерть...
Мечта: в глухой садовой сени
медовым яблоком созреть.

Космос

Поводья ракеты лежат на земле,
лежат до поры до времени...
Чужие планеты мерцают во мгле —
все ближе в своем отдалении.

Письмена

Текут снега, как письмена
с неведомой еще планеты...
Их первыми прочтут Поэты,
я верю в эти времена.

Свет жизни

Больных неизлечимых нет,
есть просто тяжкие болезни...
Но их уловки бесполезны,
пока в душе не гаснет свет.

Вера

Мне Омара Хайяма читает больной,
облачив меня в тогу доверья.
Волшебный бальзам из чаши одной
мы пьем, в исцеление веря.

Надежда

Верны слова: болезнь не красит,
не радует средь будней — праздник.
Вместилось небо виновато
в больничный лист голубоватый.

Содружество

Ветвится дерево на зависть:
кудрявится на ветках паветь...
А рядом — столб, его высочество,
как гордый символ одиночества.

Путь

Мир справедлив и прост,
несправедливы мы к нему.
Лишь победив незнанья тьму,
поймем его, коснувшись трав и звезд.

Юность

Я вижу мир насквозь,
о нем так мало зная.
...Сияет винограда гроздь,
о юности напоминая!

Тютчев

Владея даром ясновидца,
просил поэтом не считать...
— Умом Россию не понять,—
посмел сказать императрице.

Памяти Анны Ахматовой

Твоя последняя обитель
средь старых сосен и берез.
Прости, коль век тебя обидел,
не поминай вчерашних слез.

Ты благ у жизни не молила,
в немилости несла свой крест.
Ах, рано ноченька сманила
тебя в осенний грустный лес.

Ковер из хвои под ногами,
поселок дачный где-то близ...
И слышится мне в птичьем гаме:
неотвратимы смерть и жизнь.

Склоняю голову в безмолвье,
погост не место для утех.
Цветы живые в изголовье —
искупленный народом грех.

Сжигают листья... Над поляной
воспоминаний горьких дым.
Я окликаю время: — Анна!
Бег времени неумолим...

* * *

Подранком лист осенний
летит-летит-летит...
Лишь несколько мгновений
он над землей парит.

И сладко и светло
над Родиной лететь.
И песенкой без слов
звенеть-звенеть-звенеть.

Поэт

С. С.

Он спортом никогда не увлекался,
предпочитал
над строчками корпеть...
Но очень он любил за спорт болеть
и поражеиьям слезно огорчался.
Ценил он бег на длинные
дистанции
и три попытки: прыгнуть выше всех!
Знал, планке подниматься
только вверх,
и верил — нет конечной станции...

Домик Лермонтова в Пятигорске

Ступила на крыльцо «о двух ступенях»,
рукой коснулась ставенки окна...
Дверь распахнулась прямо в сени,
и стала вся прихожая видна.
Сундук дорожный отслужил свой срок...
В буфетной — самовар походный
и металлический поднос,
еще пригодный...
Как низок деревянный потолок!
...Любил он столик вынесть на терраску,
точил перо и брал бумаги лист.
И в тот же миг —
мир превращался в сказку,
где сон и явь переплелись...
Две акварели сохранились —
его судьбы бесценный дар...
Во мне века соединились:
и мудрый клен шумит, как встарь.

А рядом с кленом
шелестит дубок —
бессмертна жизни
молодая мудрость...
И движется людской поток,
день к вечеру, а кажется мне —
утро...

Стихи по мотивам картин Цзян Шилуня

(С выставки китайской живописи)

Воробьи на ветке бамбука

О чем шумит бамбуковая роща,
под кроной приютив семейство птичье?
На непогоду тихо ропщет —
три воробья нуждаются в защите...

Нахохлившись, сидят они на ветке,
в коротком сне полет их длится.
Резвятся в кроне молодые ветры,
меж вечностью и мигом где граница?

Сороки

Как живо, отрешенно
стрекочут две сороки.
— О чем? — вопрос решенный,—
о новой, видно, склоке...
Или о новом госте,
что рисовал их с толком?
Перемывают кости,
суть разложив
по полкам.
Лих разговор сорочий,

не надо перевода...
Картина — как подстрочник
мне с языка природы.

Старинный храм

«Храм «Собравшихся благовоний»,
Он стоит от людей вдали,
И взбираюсь по кручам вновь я,
Вот уж несколько трудных ли...»

Ван-Вэй, 701—761 гг.

Цветет жасмин в небесных кущах,
и пахнут мятой облака...
Река времен так глубока,
мое суденышко несущая.

Старинный храм средь облаков
стоит вне времени в пространстве.
К нему со всех материков
зовет нас муза дальних странствий.

Ей ведомы мои тревоги,
и в радости со мной она ликует.
К седому храму нет дороги,
средь горных круч тропу ищу я.

С крутого склона даль видней,
и каждый кустик на пути, как веха,
и песня неба все слышней,
и все тревожней посвист ветра...

Как пахнут мятой облака!
Цветет жасмин в небесных кущах...
Старинный храм парит в веках:
вне времени — в с е с у щ е е!

В лодке

Средь белых волн —
нас двое в лодке.
Воды немало утекло...
Все тяжелей мое весло.
Прибавь мне сил, цветущий лотос!

Мейхуа *

Цветок мейхуа диковинный
пустил в мое сердце корни...
Я стала веткою сада,
а большего мне и не надо.

* * *

«Октябрь уж наступил...» — припомню,
и станет в комнате светлей.
Заглянет кто-то из друзей,
обрадуюсь его приходу...
«Октябрь уж наступил...» — припомню.

Люблю друзей разноголосье,
беседы дружеской родник.
Она — несхожих нас — роднит,
как летний ветерок — колосья...
Люблю друзей разноголосье.

Костер невидимый пылает,
в глазах лишь отблески костра.
К нам ночь осенняя добра,
мой друг тихонько напевает...
Костер невидимый пылает.

---

* Цветок сливы.

Я провожаю друга: — Здравствуй!
С друзьями я не расстаюсь,
«друзья,
прекрасен наш союз...»
Дни бытия над ним не властны.
Я провожаю друга: — Здравствуй!

Свет осени

Дружище-клен, еще вихрастый,
припорошил листвой
мой след...
Из всех цветов —
люблю я астры
за их нездешний
звездный свет!
За их небесное свеченье
сквозь сеть прозрачную
дождей,
за их особое
предназначенье:
светить
до самых зимних дней!
Но свет тот
от земли струится.
Сорви — потухнет враз
букет...
Дыханье ветра, пенье птицы —
возможно ль
удержать в руке?

Велимир Хлебников

Носил в себе
России боль,
скитаясь в поездах,
кочуя на телеге.
Он знал в грядущий день
пароль,
но думать приходилось
о ночлеге...
Был словом
горд!
Душою — скромен,
он слыл пришельцем
из других времен.
Был весь навырост
сшит и скроен,
бескрайней степью
заселен...

Памяти друга

В. Д.

Друзья уходят налегке —
и горше нет утраты...
Две черных ленты на венке,
и жизни след — две даты.

Друзья уходят налегке,
высоты взятые оставив,
упав в безвременном броске,
в последнем сне душой оттаяв.

Друзья уходят налегке,
заботы сбросив и тревоги...
А нам по жизненной реке
плыть дальше, через все пороги.

Друзья уходят налегке...
Так пусть земля им будет пухом!
Продолжим путь: рука в руке,
плечом к плечу, едины духом.

Из горской тетради

* * *

Весной обязана Кавказу...
В долинах гор цветут сады.
И предстают невольно глазу
вершин нетающие льды.

Парит орел под облаками,
купаясь в волнах синевы.
И водопада белый пламень
горит средь зелени листвы.

Ютится сакля у подножья,
невдалеке табун коней...
Загадкой бытия тревожат:
вершины блеск и свет в окне.

* * *

«Симург — птица вещая, охраняет
Эльбрус...» — *гласит предание.*

Я в царство Симурга
посмела шагнуть:
к седому Эльбрусу
нелегок был путь.
Баксан * преграждал нам
дорогу не раз,
и беркут готов был
мне выклевать глаз.
Отвесные скалы
вставали стеной,
но «добрые духи»
шли рядом со мной...
Первым — аварец
взошел на Чегет **,
и подал мне руку
веселый черкес.
Двуглавый Эльбрус
из тумана возник,
и вещий Симург
обессилел и сник.
...А друг мой
Высоцкого песню «врубил»
и тихо добавил: — Он горы любил!

В старом замке

Богат легендами Кавказ,
но мне запомнилась одна:
жил в старом замке гордый князь

---

* Горная река.
** Гора Предэльбрусья.

с женой — красавицей Данах.
Светлей зари она была,
храня семьи святой очаг,
и князь любовью к ней пылал,
и свет не гас в ее очах...
Но был недолог ясный день,
сгущалась черной ночи тьма:
посмела бросить на хозяйку тень
ее служанка Фатима.
Шептала князю про жену,
что видела Данах с другим!
Князь не нарушил тишину,
но затряслась земля под ним.
Не стал он в тонкости вникать,
поверил враз наветам злым:
к арбе велел он привязать
жену... И сбросить со скалы!
Князь за ночь с горя поседел.
Ударил гром! И на аул
с небес слетели тыщи стрел.
Раздался вдруг подземный гул...
Пред утром отступила тьма,
и семя Правды проросло в земле:
княгини
лик
светился на скале,
лежала мертвой Фатима...
Богат легендами Кавказ,
я убедилась в том сама.
...Живут и ныне среди нас —
Данах и сводня Фатима!

* * *

Трава теснила снег к вершинам...
(Застал в горах меня апрель.)

Спускалась
девушка с кувшином
к ручьям —
плескалась в них форель...
Блеснув серебряной монеткой,
форель
средь ледниковых вод
ошеломляла танцем редким,
таил он вечности
полет!
Сливаясь с музыкой потока,
она неслась,
срывалась вниз
и застывала у порога
немым вопросом:
что есть жизнь?

* * *

Затоплен луг до перелеска,
и лодку паводком снесло...
Но ждет ее, внимая плеску,
в траве забытое весло.

Апрельский лес полупрозрачен,
восходят к солнцу дерева:
в них майский след уже означен,
идет весны девятый вал!

Идет он в диком буйстве красок...
В лугах — черемух перезвон,
и длинный день весенний — краток.
Да будет он в душе продлен...

* * *

«Лета к суровой прозе клонят...» —
а пишутся опять стихи.
С вершины лет, как на ладони,
открыта даль, и дни тихи.

Но жизни хмель в кровинке каждой,
и в каждой строчке — жар огня...
Мне кажется, я совершаю кражу
у девочки, похожей на меня.

В московской квартире художника Петра Родионова

Ирине

Явилась я гостьей незваной,
готов был ответ на вопрос...
Но вырос в дверях нежданно
и признал меня первым пес.
Не залаял, не зарычал,
а тихонько потерся боком,
будто он за меня отвечал
перед близкими и перед Богом.
Улыбнулась хозяйка дома,
ей было за пятьдесят,
сказала:
— Будем знакомы,
вот здесь — его картины висят...
О, сколько таилось силы
в свободном, широком мазке:
светились церквушки России,
стыло зимнее небо в тоске.
Расцветали радугой краски,
оттеняя мыслей полет!

Согревал он за пазухой краски —
и таял под кистью лед...
Бессмертны души деянья,
если сердце коснулось звезд.
Из запасника за диваном —
для меня извлечен был холст:
чуть виднелась дорога к Храму,
розовел в палисаде миндаль...
Таял день. В золоченую раму
не вмещалась российская даль.

Предчувствие встречи

(Триптих)

В. К.

1

Скорый поезд идет так медленно,
ливнем вымыто солнце медное...
И душа ото льда вдруг оттаяла!
Вся поэзия — сказ про тайное.
Так щедры от тебя подарки:
разноцветье садов и парков.
Над Невою — белые ночи,
у июня — твои очи.
Ах, как сладко цветут акации —
не на той я сошла станции.
...В серый сумрак кутаю плечи,
вспоминая о нашей не-встрече.

2

Мое слово к тебе долетело,
губ коснулось по-детски несмело
и осело в душе на донышке...
Оказалась душа — солнышко!

Целый мир оказался — узок,
познакомила нас Муза...
Познакомила — разлучила,
уму-разуму не научила.
Сеешь доброе, сеешь вечное,
Согревают в стынь твои речи.
И ни благ мне не надо,
ни почестей —
узнавай мои письма по почерку.

3

Пригласи меня в Летний сад,
пригласи меня в день вчерашний:
я хочу оглянуться назад
с дня сегодняшнего, как с башни.
Я хочу постоять у оград,
в предчувствии встречи хмелея...
Пригласи меня в Летний сад,
ждут давно нас Амур и Психея.

* * *

Как пахнут травы скошенного луга
у стен прозрачных мирозданья...
Луна, горбатая с клюкой старуха,
идет по облаку и просит подаянья.
Ей реки дарят серебро,
луга — настой цветов и трав.
Земля исправно платит ей оброк
с железных крыш
и трепетных дубрав.
Собрав дары,
ложится спать колдунья,
созвездье Пса хранит ее покой...
Путем всея Земли иду я —
и рядом тень моя стучит клюкой.

* * *

Беру взаймы тепло у юга...
У моря — синь, у дня — простор.
Беру взаймы: беду у друга,
у века — хворь, у дочки — вздор.
Беру взаймы я без отдачи,
всего живого я — должник...
С веселым — радуюсь,
с печальным — плачу,
природа милая,
я — твой двойник.

Есенину

Брат родной полноводной Оки
и Рязани — любимый сын.
Русь рассветная
в ситце строки —
лучшая из картин!
Охраняют музей — поля,
обрамляют картину — рощи...
И дороги, веками пыля,
ее светлую суть
не порочат.

Откровение

Леше

Перо жар-птицы в тайнике моем,
и ум мой бредит сладостью полета!
Спокойно мне с тобой вдвоем —
брать на Земле последние высоты.

* * *

У меня нет машины и дачи,
и не дружат со мною удачи...
В моем доме нету икон,
норовистый трамвай
— мой конь!
Но везет мне на добрых людей:
лучший друг у меня
чародей,
он в делах моих важных — поверенный,
путешествую с ним я по времени...
Мой наставник
— рязанский мужик,
драгоценный открыл мне тайник.
А с любимым —
мне рай в шалаше,
о, как мало надо душе...
Молюсь
на икону Неба,
слово с губ твоих —
слаще хлеба.

* * *

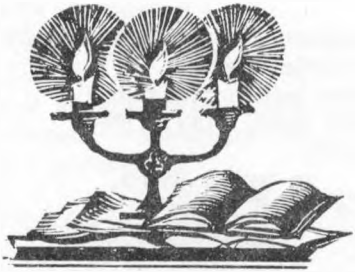
Маме

Предрассветной сини звон,
розовеют окна...
Из веков России зов,
материнский оклик:

— Научись — до солнца встать,
утро красит вечер!
Не стыдись у птиц занять
лад напевной речи.

Ступишь затемь па порог —
глянет зорька с неба...
Испеки детишкам впрок
пирогов и хлеба.

Выйди с любым при луне
с песней за околицу.
Будто в древе, в каждом дне —
годовые кольца.



СОДЕРЖАНИЕ

ДАЙТЕ ЖЕНЩИНЕ САД

«Женщине нужен дом...» 3
«Светоносны в мае дожди...» 4
Желтые сливы 4
«Терпсихора — муза танца...» 5
«Выходят из моды платья...» 6
Четыре арифметических действия 6
Мадонна 8
Кариатиды 8
Лесная сказка 9
«Кормлю дитя...» 9
«Три розы, три цветка...» 10
Среда 10
«Рябина, с морозца...» 10
Ворожба 11
«Морозный дух зимы люблю...» 12
Сестры 12
«Я — женщина, я — слабый пол...» . . . 13
«День за днем...» 14
Ганна 14
Запретная тема 15
Прозрение 16
Романс 17

ОТКРЫВАЮ Я ЗАНОВО МИР

«Не обучена фотоискусству...» 18
Кижи 19

Вид на Валаам 20
В отпуске 22
Хоста 22
Мыс Пицунда 23
«Я землю предков свято чту...» 23
Воскресший из пепла (триптих) 24
В Москве 26
Хутор Загорье 27
Баллада о кукушке 29
Детство 30
Зеленые цветы 30

ИЗ СТАРЫХ ТЕТРАДЕЙ (1965—1972 гг.)

Коммунист 33
«Свобода мыслей, чувств, желаний...» 34
Жена офицера 34
Больничные стихи 36
«Жить, не думая, легче...» 36
Ночной разговор 37
«О нем, я знаю, говорят...» 38
Зимний сон 38
Узелки на память 39
Тютчев 42
Памяти Анны Ахматовой 43
«Подранком лист осенний...» 43
Поэт 44
Домик Лермонтова в Пятигорске 44
Стихи по мотивам картин Цзян Шилуня . . . 45
«Октябрь уж наступил...» — припомню...» . . 47
Свет осени 48
Велимир Хлебников 49
Памяти друга 49

ИЗ ГОРСКОЙ ТЕТРАДИ

«Весной обязана Кавказу...» 51
«Я в царство Симурга...» 52
В старом замке 52
«Трава теснила снег к вершинам...» 53

«Затоплен луг до перелеска...» 54
«Лета к суровой прозе клонят...» 55
В московской квартире художника Петра Родионова 55
Предчувствие встречи 56
«Как пахнут травы скошенного луга...» . . 57
«Беру взаймы тепло у юга...» 58
Есенину 58
Откровение 58
«У меня нет машины и дачи...» 59
«Предрассветной сини звон...» 59

25 к.